

В ПОИСКЕ

Творческие
портреты

Халида Иванова впервые вышла на сцену областного театра драмы в роли Кристины в трагикомедии Карела Чапека «Средство Макропулоса». Позади была учеба в Новосибирском театральном училище и два года работы в Челябинском театре.

Кристина Ивановой запомнилась. И дело не в том, что актриса была обаятельна, мила, достоверна в роли девушки, поглощенной мечтой стать певицей. Артистка, овладев материалом роли, шла к юношеской мудрости Кристины через свое глубоко личное отношение к непростой проблеме человеческого бытия.

Конечно, в том, что постановщик спектакля С. Иоаниди роль Кристины поручил Ивановой, есть доля случайности. Но как бы там ни было, эта роль явилась начальным этапом постижения характера Антигоны. Правда, прежде чем это случилось, Иванова интересно сыграла служанку Исавель в комедии Кальдерона «Дама-невидимка» и Гайле в пьесе литовского драматурга Кановичуса «Огонь за паузой».

В коротенькой юбке, Исавель вихрем носится по сцене, придумывая хитрые ходы интриги, задуманной ею вместе с госпожой. Бойкая Исавель да слуга Косме стали центральными фигурами этого спектакля-игры, где много песен, недоразумений, танцев и, конечно, любви. Вот Косме, предвзвешенно глотнув для храбрости вина, отправляется ловить невидимых духов. Вместо них в его объятия попадает Исавель. Она поднимает такой визг, что у Косме волосы становятся дыбом. У зрителя же поднимается настроение: так легко, непринужденно играют актеры. Эта работа Ивановой выдвинута художественным советом театра и областным управлением культуры на Всероссийский смотр молодых актеров.

Гайле в пьесе Кановичуса. Снова, как и Кристина, — семнадцатилетняя девушка. Снова драма первой любви. Но актриса не повторяется. Совсем другая пластика. Другой характер. Искренность переживаний — та же. У артистки и здесь звучит определенная тема — снова она бросает вызов эгоизму, пошлости, цинизму. Гайле-Иванова во внешних своих проявлениях ничем не отличается от тех девушек, что сидят в зале и с волнением смотрят спектакль. Но отнюдь не внешней похожестью завоевывает Иванова доверие зрите-

лей. Интуитивно ошутив характер сегоднешней девушки, актриса подчеркивает в Гайле независимость, уверенность в себе. Гайле может быть упрямой, острой. Она умеет постоять за себя. Но она еще не вырвалась из мира голубого детства. При полнейшей общительности с окружающими ее людьми Гайле, воспитанная в тепличных условиях неусыпной заботы матери, удивительно ранима. Ее характер полон противоречий. Доверившись драматургу, режиссер и актриса нигде не трактуют Гайле жертвой. Она не жертва неразделенной любви. Впервые столкнувшись с цинизмом парня, которого любила, она навсегда простилась с миром безмятежного детства. Сложность и глубина трактовки Ивановой роли Гайле совпала со сверхзадачей спектакля: показать, что обывательское отношение к жизни, цинизм могут убивать не только все лучшее в человеке, но и самого человека.

Эта мысль нашла наиболее полное отражение в последней работе Ивановой — в ее Антигоне. Молодая актриса своеобразно, хотя и не всегда бесспорно, интерпретирует труднейший материал роли. Можно было бы пожелать Ивановой меньшей декламационности, но, видимо, режиссерский прием стертания действующих лиц от прямого общения друг с другом стал эстетикой спектакля, и наше пожелание реализовать довольно трудно.

Антигона появляется на сцене в длинном белом платье, стилизованном под хитон, еще по-девичьи угловатая, и останется в этом платье до своей последней минуты. Все время ее будет сопровождать луч прожектора. Антигона сама как этот луч — символ надежды и чистоты в темном мраке рационального миропорядка. Она появится на сцене со своей тайной, которую знает пока только одна. На вопросы кормилицы отвечает странной улыбкой и странными словами, восторженно рассказывая об утреннем саде, о мокрых от росы полях, о гулкой тишине. Голос ее сильный, но ломкий, иногда хрипловатый и очень проникновенный. Сразу создается гнетущая атмосфера ожидания чего-то непоправимого, и эта атмосфера от эпизода к эпизоду становится все напряженнее.

Антигона Ивановой — своеобразный характер. Она может быть нежной с женихом Гемоном, суровой, даже надменной, с сестрой Исменой, грубой с дядей, царем Креоном, — но она всегда предельно искренна, импульсивна. С точки зрения Креона, импульсивность, страстность Антигоны — это иррационализм юношеской непосредственности, еще не ушедшего детства. Все это должно рассогласовываться в прах от логических умозаключений здравого смысла, предподносимого Креоном. Немногим меньше часа идет сложнейшая сцена словесного поединка Креона и Антигоны, в котором Иванова показала незаурядное умение мыслить на сцене — дар редкий и ценный. В этом поединке иногда создается впечатление, что Креон прав, что неумолима его логика. Креон терпеливо и цинично раскрывает Антигоне глаза на «кухню» человеческих страстей. Кажется, что Антигона сломлена, что со здоровой точки зрения ее поступок бессмыслен. В самом деле, если брат, которого она так любила, — подонок, пусть его труп гниет на устрашении другим, и попытка Антигоны захоронить его — бессмысленный акт оппозиции царю. Но вот Антигона поднимает го-

лову. Долго смотрит на своего всемогущего дядю. Улыбается. Начинает говорить. Говорит иронично. Ирония рождается острой мыслью, напряженностью ее духовного мужания в эти бесконечные минуты борьбы за свое право умереть свободной, не поступившись своими взглядами, своими оценками душевного, циничного мира, где жить можно только рабам, лицемерам, тупым исполнителям.

Артистка выразительно показывает, как крепнет в Антигоне уверенность в необходимости взвалить на свои плечи тяжесть сопротивления «здравому смыслу» Креона. Провозглашаемый им порядок — это механизм тоталитарно-фашистской государственности, где каждому человеку отведено раз и навсегда определенное место и где за должностью совершенно исчезает личность.

Этому, на первый взгляд слаженно смонтированному механизму всеобщего рабства, Антигона противопоставляет свое человеческое достоинство. Грязной цивилизации креоновского «разума» она не позволяет взять верх над цивилизацией сердца, отстаивая свое право быть человеком даже тогда, когда нет ни грани надежды на сопротивление. Ивановой удается передать непростую эволюцию этого сопротивления Антигоны, ее мучительные попытки вырваться из круга безнадежности, очерченного для нее Креоном. В восстании против Креона, провозгласившего себя мессией долга, артистка ищет не только искреннюю эмоциональность чувств, но и напряженную остроту мысли. И тогда здравый смысл Креона обрывается фарсом, истинным содержанием которого является мелочное политиканство, лживое и жестокое правосудие, наглый цинизм, унижая, субординация. Искренность артистки помогает ей передать очень важное качество характера Антигоны — она всегда, при всех обстоятельствах остается сама собой. Путь, выбранный Антигоной, гибель для нее, но вопросы, заданные ею Креону, остались открытыми. Так же, как осталась с людьми надежда и вера в красоту мира, потому что всегда есть на свете Антигоны. Грустно, что они погибают. Но и в их смерти — торжество жизни.

Нелегко справиться с непривычными приемами интеллектуального театра современного французского драматурга Ануя. Молодая актриса с большим мужеством овладела стихией характера Антигоны. Многие уже сделано, еще больше предстоит сделать. Пройти только первые спектакли. Актриса заново и заново переосмысливает свою работу.

Р. ГОРЕВ

На снимке: сцена из спектакля «Огонь за паузой». Гайле — Х. Иванова, Линас — В. Аврамкин. Фото Н. Соничевой.